*В.В. Калугин*

# КНЯЗЬ АНДРЕЙ КУРБСКИЙ — РИТОР

В Древней Руси первым теоретическим руководством по ораторскому искусству была так называемая "Риторика" Макария. Ее самые ранние списки из числа известных ныне датированы 1620 г. (публикацию памятника по рукописи 1623 г. см. в исследовании: Лахман 1980). Однако восточнославянские писатели владели секретами высокого красноречия уже в XI в., со времен киевского златоуста митрополита Илариона. В величественном "Слове о Законе и Благодати" проповедник обращался к тонким ценителям "плетения словес". "Ни к неведущиим бо пишемь,— предупреждал он,— нъ преизлиха насыштьшемся сладости книжныа" (Молдаван 1984, 79). И это притом, что шли всего лишь первые десятилетия восточнославянской книжности. Среди слушателей Илариона могли быть люди, хорошо помнившие крещение Русской земли. Но как же тогда изучали риторику в Древней Руси? По литературным образцам, а не по по специальным учебникам. Примерами для подражания служили библейские и богослужебные книги, творения отцов церкви и другие памятники, переведенные большей частью с греческого на старославянский язык первоучителями Кириллом и Мефодием и многочисленными продолжателями их дела (подробнее см.: Пиккио 1984, 247-279).

Переводившиеся византийские классики — Василий Великий, Григорий Назианзин, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин и другие авторы — были прекрасно знакомы с древними и современными им теориями языка и стиля. Значение риторики в культурной жизни империи ромеев было огромно. Потребность в изощренном, отточенном слове сопутствовала византийцам буквально с первых шагов их образования, и они восприняли от поздней античности традиционную схему риторического учения. В Древней Руси классика восточнохристианской литературы стала архетипом словесной красоты. Читая ее в переводах, постигали тайны литературной техники многие поколения православных славянских книжников (ср.: Буланина 1985, 13-16; Буланин 1991, 82).

Метод подражания нисколько не умаляет художественных достоинств древнерусского красноречия. Ориентация на образцовые произведения являлась краеугольным камнем науки элоквенции как в древности, так и в Новое время. Еще

Цицерон требовал в трактате "Об ораторе": "Итак, вот первое мое предписание: надо указать образец для подражания, и пусть начинающий всеми силами стремится уловить все лучшее, что есть в этом образце" (Цицерон 1994, 247). М.В. Ломоносов заметил в этой связи: "Красноречие коль много превышает прочие искусства, толь больше требует и подражания знатных авторов" (Ломоносов 7, 94). Эстетика слова познавалась по образцовым текстам. Это правило было непреложным законом сотни лет. Оно составляло альфу и омегу древнерусского художественного мышления.

Однако еще до "Риторики" Макария в нашей средневековой литературе был писатель, который соединил в своем творчестве церковнославянскую традицию с западноевропейской филологией. Этим эрудитом был князь-философ Андрей Михайлович Курбский. Особый интерес представляют его сочинения, написанные незадолго до бегства за границу в ночь на 30 апреля 1564 г. и вскоре после него. Это три послания старцу Псково-Печорского монастыря Вассиану Муромцеву, "Ответ Ивану многоученому о правой вере" и первое письмо Грозному. Среди исследователей нет единого взгляда на время их возникновения. По мнению Я.С. Лурье, Курбский составил первое послание Муромцеву еще до отъезда в Литву, а два других — уже за рубежом, в 1564-1565 гг. (ПИГ 472-473, 533-534). Английский историк Н.Е. Андреев считает, что все три произведения следует датировать периодом между декабрем 1563 и апрелем 1564 г., когда опальный боярин служил воеводой в Юрьеве Ливонском (Андреев 1955, 414-436). Иной точки зрения придерживается Р.Г. Скрынников. Он установил, что первое письмо старцу Вассиану появилось на свет весной или летом 1563 г., а второе — между февралем и апрелем 1564 г., очевидно, под непосредственным впечатлением жестокой казни бояр в Москве 31 января того же года. Третье послание в Печоры было создано князем в скором времени после побега из Юрьева, одновременно с первой "грамотой царю государю из Литвы", в мае-июне 1564 г. (Скрынников 1962, 102, 105, 106, 113; Скрынников 1992, 35-37).

Второе письмо Вассиану Муромцеву резко распадается на три части. Начавшись с обличения ложного "Евангелия Никодима" и других апокрифов, оно перерастает в гневную филиппику против режима Ивана IV и иосифлянской церкви, а затем, вернувшись к исходной теме, заканчивается статьей "О Скориных книгах", в которой Библия в издании Франциска Скорины объявлена неканонической (РИБ 31, 383-390, 390-401, 401-404. Ср.: Скрынников 1973, 35-36). Вторая часть представляет собой образец высокой книжно-славянской риторики. Она является прологом к переписке с Грозным и начинается характерной для Курбского апокалипсической картиной торжества сил зла: "Благовременно днесь рещи ангелов глас, ко Громову сыну реченнои: горе, горе живущим на мори и на земли, яко

разрешен бысть сатана от темницы своея на прельщение их, имея в себе ярость велию" (РИБ 31, 390; Апокалипсис XII, 12; XX, 2, 7. Ср.: Курбский 1976, 1). Собираясь перейти на сторону противника, царский полководец заготовил оправдательный документ своей измене.

Позднее сам автор назвал эту грамоту "вторым посланеицем против всего пятаго евангелия" (РИБ 31, 410). Но содержание письма в его современном виде шире названия. Есть основания полагать, что перед нами не одно, а два произведения. Право так думать дает краткая записка Курбского, отправленная им в Юрьев тотчас после бегства за границу: "Вымите Бога ради, положено писание под печью, страха ради смертнаго. А писано в Печеры, одно в столбцех, а другое в тетратях; а положено под печью в ызбушке в моеи в малои; писано дело государское. И вы то отошлите любо к государю, а любо ко Пречистои в Печеры" (РИБ 31, 359-360). Р.Г. Скрынников убедительно показал, что здесь имеется в виду вторая грамота старцу Вассиану (Скрынников 1962, 114; Он же 1973, 34-36). Но частное письмо против апокрифов нельзя назвать "делом государским". У Курбского не было никакой необходимости просить переслать его монарху. Зато обличение Ивана IV и творящихся в стране беззаконий полностью соответствует этому определению. Оно было адресовано Муромцеву, но в действительности имело в виду Грозного и все Российское царство (Скрынников 1962, 114). Политическая критика оказалась настолько резкой и смелой, что распространять крамольное писание было крайне опасно. Воевода спрятал его в тайник под печью. Туда же было положено "посланеице" в Печорский монастырь против "Евангелия Никодима". Князь Андрей прямо указал на существование двух "писаний": "...одно в столбцех, а другое в тетратях", а не "одно в столбцех и тетратях", если бы говорилось о черновике и беловике. Вероятно, на столбцах была написана грамота старцу Вассиану, а в тетрадях — как литературное произведение — филиппика против царя Ивана и его правительства. Готовясь к побегу, Курбский убрал подальше от греха компрометирующие материалы. Получив записку от "государева изменника", верные ему люди достали из тайника столбцы и тетради и, в спешке — "страха ради смертнаго" — соединив их, отправили в Печоры.

Исследователи сходятся в том, что рассмотренные сочинения возникли до того, как эмигрант принялся за "латинское учение" под руководством молодого шляхтича Амброжия. Иначе обстоит дело с "Ответом Ивану многоученому о правой вере". М.В. Дмитриев полагает, что он направлен против одного из антитринитариев 70-80-х гг. XVI в. и относится приблизительно к тому же времени, что и письма Курбского волынскому пану Кадиану Чапличу и князю Константину Острожскому (Дмитриев 1990, 108). Следовательно, это одно из поздних произведений боярина. Однако это не так. В языковом отношении "Ответ

о правой вере" и переписка с Вассианом Муромцевым подобны друг другу. Они написаны традиционным книжно-славянским языком Московской Руси. В "Ответе о правой вере" нет польско-латинских заимствований и западнорусизмов, характерных для творчества Курбского периода эмиграции и почти не употреблявшихся московскими книжниками. Совершенно очевидно, что "Ответ о правой вере" был написан в 1563-1564 гг. во время пребывания боярина на посту юрьевского воеводы. Памятник отражает московский уровень его культуры.

Нельзя согласиться с распространенным мнением, что "Курбский стал писателем, бежав за рубеж и изменив родине" (Лихачев 1987, 180). Становление Курбского как писателя произошло в России, а не за границей. Для этого имелись все необходимые предпосылки. Его духовным отцом был святой Феодорит Кольский, знаменитый нестяжатель и просветитель лопарей. Он много повидал за свою долгую жизнь и много странствовал от глухих лесов Кольского полуострова до Царьграда. В 1557 г. Иван Грозный отправил его в Константинополь к вселенскому патриарху для утверждения принятого десять лет назад царского сана. Огромная важность поручения говорит сама за себя. Старец Феодорит снискал на Руси высокий нравственный авторитет. Он также был искусным книжником, возможно, знал греческий язык. По словам князя Андрея, он свободно владел языком лопарей — саамским, научил "их писанию, и молитвы некоторые привел им от словенска в их язык" (РИБ 31, 332). Имя Феодорита Кольского может быть поставлено в один ряд с именем миссионера Стефана Пермского, создателя пермской азбуки и литературного языка.

Вторым наставником Курбского был философ Максим Грек. Они встречались в Троице-Сергиевом монастыре, где Максим, ученик итальянских гуманистов, заканчивал свой многострадальный жизненный путь. Там Максим Грек беседовал с молодым прославленным воеводой о "еллинской" мудрости и языческой прелести, о западной культуре и заблуждениях католиков и протестантов, он рассказывал о величии и гибели Византийской империи, о своих литературных трудах, странствиях и бедах,— а царский советник слушал речи, "сладчайшия паче меда", всей душой впитывая каждое слово "превозлюбленнаго учителя" (Ясинский 1889, 86; РИБ 31, 209; Курбский 1976, 5 об.).

Оба маститых наставника были намного старше князя Андрея (около 1528 — май 1583): Феодорит Кольский (1489/1490 — 17. VIII. 1570) — приблизительно на 38-39 лет, а Максим Грек (около 1470 — 12. XII. 1555) — примерно на 58 лет. Огромная разница в возрасте, колоссальный жизненный опыт усиливали их влияние на образ мыслей Курбского. Он до самой смерти остался верен заветам своих учителей.

Князь Андрей эмигрировал около 36 лет от роду. Он уже был сложившейся творческой личностью, ревностным сторонни-

ком ученого направления в литературе и языке, представленного трудами Максима Грека, его последователей и единомышленников. Об этом лучше всего говорят его ранние произведения. В них нет ничего ученического. Напротив, все выдает руку книжника традиционной славяно-византийской культуры. Царская служба в постоянных военных походах и государственном совете отодвигала на второй план филологические увлечения Курбского (см.: Курбский 1976, 6 об.). Но страсть к знаниям всегда владела им. При первой же возможности — во время годичного юрьевского воеводства и затем в эмиграции — он основательно занялся книгами. Не следует преувеличивать влияние на него западноевропейской образованности. Шляхтич в Польше XVI в. стыдился латыни (Майенова 1955, 87).Она казалась ему уделом школяров. Князь Андрей в зрелом возрасте вновь засел за учебники, штудировал латынь и гуманитарные науки, много читал и переводил древних и современных авторов. Не лишним будет напомнить, что его первая "епистолия" Ивану Грозному является блестящим образцом древнерусского красноречия. Ее справедливо сравнивают с "цицероновской" речью, произнесенной на едином дыхании, последовательной и совершенной в художественном отношении (ИРБ 1970, 448). Беглый воевода написал послание в первые недели пребывания за границей. За столь короткий срок у Курбского не было возможностей познакомиться с утонченной западноевропейской культурой и испытать на себе ее влияние, если не считать, что за границей боярина первым делом ограбили до нитки.

Князь Андрей стал писателем "от многие горести сердца" (ПГК 7). Пылающий на Руси "огнь мучительства", утверждал он, невозможно передать никакими "риторскими языки" (РИБ 31, 395; Курбский 1976, 1). Поэтому Курбский стремился повлиять не только на разум, но и на чувства читателей, не только убедить их неопровержимыми доказательствами, но и взволновать, увлечь за собой. Это один из самых эмоциональных писателей Древней Руси. Его стиль полон страсти и аффекта. Его пером руководили ненависть к тирании и глубокое сердечное сочувствие к ее жертвам. Князь Андрей не скрывал свои душевные переживания. Он намеренно подчеркивал их: "А сие писал, к сокращению трагедии тое жалостные зряще, понеже и так едва от великие жалости сердце ми не росторглося" (РИБ 31, 324).

Этот трагический пафос никогда не смолкал в русской литературе. В бунташном XVII в. обличал и проповедовал "от болезни сердца своего" протопоп Аввакум (РИБ 39, 576), а в следующем столетии — другой оппозиционер, А.Н. Радищев, тонкий знаток церковнославянского витийства: "Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвленна стала" (Радищев 1992, 6). По воспоминаниям современников, А.С. Пушкин хотел написать историю императора Александра I

"пером Курбского" (Пушкин 1991, 98). Литература была для этих писателей "глаголом истины".

Негодование рождало эмоционально-риторический стиль Курбского. С помощью сильных фигур речи, неожиданных метафор, смелых сравнений, ярких эпитетов и других тропов он создал впечатляющие картины, наполненные глубоким чувством. Высокое красноречие, гибкий поэтический синтаксис, живая образность и вместе с тем традиционность — вот составляющие части его стилистики.

Американский славист Эдвард Кинан обнаружил в его первом письме царю Ивану ритмическую организацию трех контекстов (Кинан 1971, 18-19). В одном из них, например, выделяется глагольная рифма в форме аориста. Воевода с укором напоминал монарху о своих ратных трудах и подвигах:

Пред войском твоим хожах и исхожах,
И никоего тебе безчестия приведох,
Но развее победы пресветлые помощью
ангела Господня во славу твою поставлях,
И никогда же полков твоих хребтом к чужим
обратих,
Но паче одоления преславна на похвалу тобе
сотворих

*(Кинан 1971, 19).*

Исследователь заключил, что эти периоды написаны стихами, по его мнению появившимися в русской литературе только в XVII в. На основании этой ложной посылки был сделан вывод, что произведение не могло быть создано в эпоху Грозного. Князь С.И. Шаховской, по версии Кинана настоящий автор послания, известен как светский и духовный поэт. Ритмически упорядоченный эпистолярный текст якобы является одним из главных признаков его участия в грандиозной литературной мистификации XVII в. Между 1623 и 1625 гг. Шаховской написал гневную жалобу на несправедливые гонения царю Михаилу Федоровичу, но, вновь оказавшись в фаворе, благоразумно переделал ее в грамоту своего давно почившего дальнего родственника Курбского Ивану IV (Кинан 1971, 17-21).

Исторические источники камня на камне не оставляют от этой пирамиды отвлеченных построений. Во-первых, были поэты в России и до Шаховского, а во-вторых, ритмическая проза — это еще не стихи. Л.И. Сазонова, изучавшая этот вопрос, отмечает: "Если ритм стиха создается, как известно, главным образом на трех уровнях: слоговом, образующем метрический ритм, стопном, образующем организацию стихотворной строки, и стиховом, образующем организацию строф, а ритм изначальной прозы не связан со специальным ритмическим заданием автора и определен либо особенностями, стихией самого языка, либо естественным эстетическим стремлением

автора к гармонизации, плавности и пластичности языка, то доминантным признаком ритмической прозы является принцип синтаксической аналогии, который вызван к жизни специальным авторским заданием и выступает в тексте как эстетический элемент, как замысленная композиция текста. И если для стиха существуют универсальные системы измерения — силлаботония, тоника, силлабика, то для ритмической прозы такой мерой является не стопа, не метр, а синтаксическое смысловое целое — единица, более объемная, имеющая множество разновидностей, вариантов синтаксических фигур" (Сазонова 1974, 35).

Приведенные Кинаном примеры свидетельствуют лишь только о том, что князь Андрей овладел техникой красноречия еще до бегства за рубеж. Смысловая и структурная симметрия текста является яркой особенностью риторической прозы Курбского (Феннел 1974, 176-178). Ее ритмичность создается за счет особого подбора и расположения слов. Книжно-славянское красноречие, как и классическое учение риторики о соединении слов, отталкивалось от обыденного разговорного употребления. Высоко ценимый Курбским Аристотель учил, что "стиль, лишенный ритма, имеет незаконченный вид, и следует придать ему вид законченности.., потому что все незаконченное неприятно и невразумительно" (АР 1978, 139).

Русские писатели прибегали к художественным возможностям ритмической прозы с древнейших времен (см.: Сазонова 1974, 30-46; Лихачев 1975, 340; Скрынников 1992, 38-39). Для нее характерна глагольная рифма. Глагол и его формы тяготели к концу фразы. Они несли на себе интонационное и смысловое ударение, делили текст на относительно соразмерные отрезки и требовали после себя паузу. Употребленный сознательно или интуитивно звуковой повтор на конце нескольких соседних фраз усиливал выразительность и благозвучие авторской речи. Украшенный стиль Курбского не является исключением из общего правила. В его "Третьем послании царю Ивану" есть такие рифмованные строки: Господь повелевает никого же прежде суда осуждати и бревно из своего ока первие отъимати, и потом сучец из братня ока изимати, а диявол подущает точию словом проблекотати...(ПГК 107). В таких периодах можно усмотреть прообраз современного стиха. Но это была еще не поэзия, а ее далекая предыстория. Здесь ритм и рифма не выдержаны от начала и до конца, а порой бывают просто случайны и кажутся "стихами" лишь современному читателю, хотя в прошлом никто не воспринимал их таким образом. Ритмическую прозу с простыми рифмами можно обнаружить в разных сочинениях князя Андрея, а не только в его переписке с монархом.

Показательно второе письмо Курбского Вассиану Муромцеву. Оно являетя образцом его риторической прозы. Боярин, недовольный политикой Ивана Грозного, жестоко нападал на власти предержащие. Его филиппика против послушного монар-

ху иосифлянского духовенства отличается соразмерностью составляющих ее частей содержательной, синтаксической и ритмико-интонационной структуры. Переход от собственно прозаического повествования к своеобразному речитативу сразу же бросается в глаза: "Посмотрим же и на священническии чин, в каких обретаются — не яко их осужаем, не буди то, но беду свою оплакуем.

Не токмо душа своя за паству Христову полагают, но и расхищают —

вем, яко бедно ми глаголати — не токмо расхищают,
но и учителе расхитителем бывают,
начало и образ всякому законопреступлению собою полагают;
не глаголют пред цари, не стыдяся о свидении Господни,
но паче потаковники бывают;
не вдовиц и сирот заступают,
ни напаствованных и бедных избавляют,
ни пленников от пленения искупают,
но села себе устрояют,
и великие храмины поставляют,
и богатъствы многими кипят,
и корыстми, яко благочестием, ся украшают" (РИБ 31, 395-396).

Четкое противопоставление и чередование в структуре текста словесных рядов и образов, параллелизм синтаксических конструкций сообщают авторской речи размеренное и плавное течение. Глагольные рифмы поддерживают единство риторического периода, более сложного по своей организации по сравнению с обычной повествовательной прозой. Приведу в качестве примера отрывок из "Ответа Ивану многоученому о правой вере". Курбский подверг в нем резкому осуждению столь нелюбимых им протестантов:

Крестьяне ся прозывающе,
а вся жидовская мудрътствующе;
июдеиских сонмов отлучаетеся,
а по всему нраву их подобящеся;
Христу глаголюще покланятися,
а всю ярость жидовскую на иконе Его исполняюще.
Аще Его з жиды не распинающе,
на небеси бо есть,
но образ Его, на паметь нам оставленныи,
по улицам влачаще и огню предающе;
и за ланиту Его по лицу не ударяюще,
но священнолепного образа зрак Его железом и теслами скребающе,
и [с.— 1В.К. 0] воины копием Его [не.— 1 В.К. 0] прободающе,
но на образ Его стрелами и пищальми стреляюще.
А Распятому на кресте глаголют покланятися,
а знамение животворящего креста Его на себе не полагающе.
Аще святых Его со еллины не закалающе,
и со июдеи камением не побивающе,
но святых их иконы сокрушающе
и по торжищех ногами топчюще,
и правоверным людем, паче древних гонителеи, муки и гонения наводяще

*(РИБ 31, 375-376).*

Весь интонационно-синтаксический строй отрывка указывает на то, что ритм и рифма употреблены в нем сознательно. Писатель хотел не только потрясти православного читателя рассказом о кощунстве протестантов, но и усладить его слух благозвучностью своей инвективы.

Главные произведения Курбского периода эмиграции — "История о великом князе Московском", предисловия к сборнику "Новый Маргарит" и "Богословию" Иоанна Дамаскина — продолжают лучшие традиции книжно-славянского красноречия, злободневного и острополемического. Язык его поздних сочинений испытал на себе сильное влияние западнорусской речевой стихии с ее многочисленными полонизмами и латинизмами, местными словами и выражениями. Однако князь Андрей сохранил старые писательские приемы. И после знакомства с науками тривиума — грамматикой, риторикой, диалектикой — он по-прежнему использовал традиционные средства древнерусской поэтики, писал ритмической прозой. В "Истории о великом князе Московском" боярин сложил торжественную, эпидейктическую, речь в честь старых советников Ивана IV Алексея Адашева и протопопа Сильвестра. Эмигрант с ностальгией вспоминал счастливые времена Избранной рады, проводившей мудрую политику, во всем наставлявшей молодого государя:

"Тогда, глаголю, царь всюду прославляем был,
и земля Руская доброю славою цвела,
и грады предтвертыя Аламанския разбивахуся,
и пределы християнския разширяхуся,
и на диких полях древле плененыя грады от Батыя безбожнаго и паки воздвизахуся,
и сопротивники царевы и врази креста Христова падаху, а другии покаряхуся,
нецыи же от них и ко благочестию обращахуся,
огласився и научився от клириков верою, Христу присвояхуся,
от лютых варваров, аки от кровеядных звереи, в кротость овчю прелагахуся
и ко Христове чреде присовокупляхуся" (РИБ 31, 246).

Рассмотренными фактами не исчерпываются все случаи использования Курбским ритмической и рифмованной прозы. Вопреки мнению Кинана она типична для его украшенного стиля. Ее ни в коем случае нельзя рассматривать как указание на подложность произведений князя Андрея и авторство Шаховского. Даже если боярин употреблял ее не всегда с заранее обдуманным намерением, то в таком случае мы имеем дело с внутренними особенностями художественного слова. Фигуры речи и тропы органически свойственны литературному языку.

Среди приемов построения текста в риторике Курбского заметную роль играет композиционно-стилистический принцип контраста. Он последовательно выдержан в "Истории о великом князе Московском" (Уваров 1973, 21-22). На протяжении всего повествования писатель резко противопоставляет прежнее благочестие христолюбивого и благоверного монарха — его нынеш-

ней тирании и разврату, Избранную раду — опричнине, "светлых мужей" (Алексея Адашева, протопопа Сильвестра, Феодорита Кольского и др.) — корыстолюбивым царедворцам и палачам, заповеди Божии — святотатству царских кромешников и т. д. Мир в книге разделен на друзей и врагов, добро и зло, черное, точнее кровавое, и белое, мученическое. По этому принципу построена одна из многочисленных инвектив против Грозного и придворных льстецов, оказавших пагубное влияние на государя. Курбский саркастически обрашался к Ивану IV: "Се, царю, получил еси от шепчущих ти во уши любимых твоих ласкателеи:

вместо святаго поста твоего и воздержания прежняго,
пиянство губительное со обещанными дияволими чашами;
и вместо целомудреннаго и святаго жительства твоего,
нечистоты, всяких скверн исполненныя;
вместо же крепости и суда твоего царского,
на лютость и безчеловечие подвигоша тя;
вместо же молитв тихих и кротких,
имиже ко Богу твоему беседовал еси,
лености и долгому спанию научиша тя,
и по сне зиянию, главоболию с похмелия
и другим злостям неизмерным и неисповедимым.
А еже восхваляше тя, и возношаше и глаголаше тя
царя велика, непобедима и храбра,
и воистинну таков был еси,
егда во страсе Божии жительствовал.
Егда же надут от них и прельщен, что получил еси?
Вместо мужества твоего и храбрости,
бегун пред врагом и храняка" (РИБ 31, 269).

Синтаксический и образный параллелизм придают логическую стройность и размеренность периоду. Все уровни его структуры охватывает прием контраста. С его помощью ярко изображены роковые перемены в характере Ивана и доказывается превосходство старых советников над новыми фаворитами самодержца. Композиционно инвектива разделена на последовательно чередующиеся отрезки, резко противопоставленные друг другу по смыслу. Лексической основой антитезы является антонимия — столкновение слов с противоположным значением: святой пост — пиянство губительное, целомудренное жительство — нечистоты, молитвы — леность и др. Усиливает выразительность авторской речи нисходящая градация — нагнетание семантически близких слов, расположенных по мере убывания их экспрессии. Дополняя друг друга, они создают эмоциональный образ: "А еже восхваляше тя, и возношаше и глаголаше тя царя велика, непобедима и храбра..." Затем следует риторический вопрос, на который дан уничижительный для Грозного ответ. Отступив от заветов Избранной рады, он превратился из триумфатора в труса, позорно бежавшего перед лицом врага. Князь Андрей сыпал соль на свежие раны монарха. Он стыдил Ивана IV тем, что во время опустошительного нашествия

крымской орды на Москву в 1571 г. тот в критической ситуации оставил войско и скрылся в Ростове. Риторика Курбского никогда не была отвлеченным витийством. Она публицистична и конкретна.

Стиль Курбского саркастичен. Бежавший от царского гнева воевода не испытывал ни малейших симпатий к обманутому государю. "Верный слуга" стремился опорочить его с головы до ног, выставить на всеобщий позор. Иван Грозный, сам виртуоз "кусательных" и "подсмеятельных" слов, был ошеломлен жалящими обвинениями бывшего любимца и сравнил их со змеиным ядом. Полученное письмо показалось ему горше полыни: "Понеже бо еси положил яд аспиден под устнами своими, наполнено убо меда и сота по твоему разуму, горчайши же пелыни обретающеся..." (ПГК 15). Писатели Нового времени согласились с этой оценкой. "...Послание, полное яду",— повторил А.К. Толстой в балладе "Василий Шибанов" (Толстой 1, 228). А.С. Пушкин назвал "озлобленной летописью" "Историю о великом князе Московском", продолжающую эпистолярный поединок боярина с монархом (Пушкин 11, 68. Ср.: Там же, 340).

Ирония Курбского пропитана горечью и злобой. Чтобы сильнее подействовать на читателей, он употреблял слова и образы в противоположном значении, создавал периоды в обратном буквальному смысле. Этот риторический прием, осложненный анафорой (о ней подробнее говорится ниже), использован в предисловии к "Новому Маргариту" в рассказе об опричном терроре и обрушившихся на страну бедах. Перо писателя дышало ненавистью, когда он вспоминал о Грозном и его клевретах: "Таковые он мзды ему служащим воздал, так отечество украсил, так ко единоколенным доброту показал, таковую ко единоязычным ему любов простер. Таковые суть ласкателей плоды, и таковы полезны советы, и в таково зло възрастают безпрестанне, ложные во уши царей шепъчуще!" (Курбский 1976, 3-3 об.). Саркастические похвалы всякий раз переходят в гневные обличения и проклятия. Контраст усиливал экспрессию текста, придавал рассказу автора страстный и резкий тон. "Се выслужил! Главою заплатил",— негодуя, писал князь Андрей о казни полководца Д.М. Ряполовского, победителя татар (РИБ 31, 283).

Курбский превосходно владел умением находить меткие и нужные слова, соединять их в неожиданные и выразительные сочетания, покоряя читателей мощью и красотой своей отточенной речи. Использовав оксюморон, он назвал царя-мучителя зверем словесным (РИБ 31, 308), превратил фамилию его советника Вассиана Топоркова в зловещий символ кровавого произвола, связав ее с орудиями палача топором и оскордом — разновидностью секиры (РИБ 31, 217), изобразил опричников слугами Антихриста — кромешниками. Неизвестно, кто первым дал царским преторианцам навеки оставшееся за ними прозвище. В сочинениях Курбского оно встречается постоянно (см.,

например: РИБ 31, 269, 305-308, 316, 321; Курбский 1976, 1 об.; ПГК 108, 116). Его происхождение объяснено С.Б. Веселовским (Веселовский 1963, 14). Игра слов построена на единстве и противоположности их значений и сходстве в звучании. Древнерусские предлоги *опричь* и *кроме* синонимичны. В средневековой картине мироздания царство Божие было областью вечного света, за пределами (опричь, кроме) которого находилась держава Сатаны — область вечного мрака. Выражение "тьма кромешная" обозначает 'преисподнюю, место мучений грешников'. В живой речи слова *опричник* и *опричный* произносились как *опришник* и *опришный*. Ассоциация с бесами напрашивалась сама собой. Удачно соединив буквальный и переносный смысл имен, древнерусский вольнодумец окрестил царских преторианцев кромешниками — исчадьями ада и слугами дьявола. Князь Андрей называл государеву дружину "полком сатанинским" (РИБ 31, 316). Он объявил правление Ивана Грозного царством "прелютаго зверя и... Антихристова сына" (РИБ 31, 306).

Риторический стиль Курбского тяготеет к разнообразным словесным и синтаксическим повторам. Они не являются простым украшением прозы, но обогащают смысловую и экспрессивную сторону текста. Такой художественный метод типичен для поэтики древнерусской литературы. Но он известен также и в народном творчестве. Это мог быть обыкновенный корневой повтор в словах разной грамматической формы: "...окровил руку в крови вражии..." (РИБ 31, 172), "...частыми преодоленьми преодолеваху..." (РИБ 31,173), "...различными чары чарующих..." (РИБ 31, 292), "...от мучителя многими муками мучиму..." (РИБ 31, 302), "...многолетными многими леты..." (РИБ 31, 400). Повторы одного и того же слова выделяли ключевые места в рассказе, сообщали ему взволнованный и приподнятый тон: "Тогда убо, тогда, глаголю, прииде к нему един муж..." (РИБ 31, 169), "Добро бы, и паки реку, зело добро избавити в орде плененных..." (РИБ 31, 240). Князь Андрей соединял в предложении синонимы, варианты и просто близкие по значению слова. Образуя единое целое, такие синтагмы были незаменимыми кирпичиками, из которых складывалась структура текста. Литературная манера Курбского служит наглядным подтверждением тому: "... ласкающе и угождающе ему во всяком наслаждению и сладострастию" (РИБ 31, 165), "... отсылает и отделяет от него всяку нечистоту и скверну..." (РИБ 31, 171), "... воскурилося гонение великое, и пожар лютости в земле Рускои возгорелся..." (РИБ 31, 276) и мн. др. (здесь и ниже курсив мой.— В.К.).

В языке его сочинений многочисленны повторы однотипно построенных синтаксических конструкций. Они звучали с большей силой, когда в их структуру включалось единоначатие, или анафора,— повторение одних и тех же слов в начале соседних предложений. Анафора типична для риторики Курбского. Она

входит как составная часть в разные фигуры речи и нередко охватывает собой значительные по объему периоды ритмической прозы. Во втором письме Вассиану Муромцеву Курбский ополчился на самого дьявола — вечного врага рода человеческого, задумавшего погубить древнее благочестие в "Святорусском царстве":

Он бо древле праотцем завистию во Едеме смерть сотвори,
и роду их на безбожие и чародеиство разумы преврати,
и скотолепному и нечистому жительству научи.
Он праведному внезапу все имение и дети погуби
и тело нещадно сокруши.
Он во Египте против Моисея чародеицев воздвиже
и чародеиствовати сотвори... (РИБ 31, 387).

И далее местоимение он еще пять раз начинает собой параллельно построенные фразы (РИБ 31, 387-388). Как анафору здесь надо рассматривать также союз и, восходящий к поэтике библейской литературы и очень употребительный в торжественных книжно-славянских стилях.

Приемом, противоположным анафоре по позиции повторяющихся элементов, является единоконечие, или эпифора. Она тоже выделяет основную мысль высказывания, но требует, чтобы соседние предложения оканчивались одними и теми же словами. Эпифору обнаруживаем в предисловии князя Андрея к "Новому Маргариту". Рассказывая о гонениях на своих родственников по приказу Грозного, он подчеркивал с помощью единоконечия их насильственную смерть: "Матерь ми и жену и отрочка единаго сына моего, в заточению затворенных, троскою поморил, братию мою, единоколенных княжат ярославских, различними смертьми поморил..." (Курбский 1976, 3 об.). В другом месте предисловия эпифора играет важную роль в организации авторской речи. Она делит текст на относительно соразмерные отрезки, сосредотачивает на себе фразовое и смысловое ударение. Этому отрывку предшествуют рассуждения Курбского о необходимости гуманитарных и философских наук в образовании искусного книжника и резкое осуждение невежд. Писатель облек свое умозаключение в форму силлогизма, одной из логических фигур риторики:

Всяко сопротивное со противным вкупе пребывати не может,
а иж нечистота чистоте сопротивна,
того ради, не очистився, очищати других не может .
Несовершен будучи сам, учити иных не может,
а еже неискусным [неискусный.— В.К.] несть совершен,
того ради иных учити не может (Курбкий 1976, 7 об.).

Словесным повторам в стиле Курбского близка восходящая и нисходящая градация. Она заключается в том, что в одно целое объединяются семантически близкие слова, которые, постепенно усиливая друг друга, создают эмоционально-экспрессивный образ. В предисловии к "Новому Маргариту" автор направил обличительный огонь своего пера против политики опричного

террора и ее вдохновителей: "...ласкатели советуют, аще кого оклевещут, и повинным сотворят, и праведника грешъником учинят, и изменником нарекут по их обыкновенному слову, не токмо того без суда осуждают, и казни предают, но и до трех поколенеи от отьца и от матери по роду влекомых осужают и казнят, и всеродно погубляют..." (Курбский 1976, 1 об.). Основу периода составляют два словесно-образных ряда, образующих фигуру нарастания, или восходящую градацию. Первый выражает тему клеветы: ...оклевещут, и повинным сотворят, и праведника грешъником учинят, и изменником нарекут..., второй является его непосредственным продолжением и обозначает тему незаконных массовых репрессий: ...не токмо того без суда осуждают, и казни предают, но и до трех поколенеи от отьца и от матери по роду влекомых осужают и казнят, и всеродно погубляют... Такими риторическими приемами Курбский хотел вызвать у читателей чувство гнева и ужаса перед неограниченным произволом Ивана IV.

Повторы в композиции произведения могут чередоваться между собой и другими фигурами речи, взаимопроникать, развертываться параллельно или преобразовываться один в другой. Возьмем, например, отрывок из "Истории о великом князе Московском". В нем речь идет об Алексее Адашеве и протопопе Сильвестре, сумевших наставить своенравного Ивана IV на правую стезю: "Сие творят, сие делают: главную доброту начинают — утверждают царя, и якого царя? царя юнаго, и во злострастиах и в самовольствии без отца воспитаннаго, и преизлище прелютаго, и крови уже напившися всякие, не токмо всех животных, но и человеческия" (РИБ 31, 170). Здесь мы встречаем анафору сие, объединяющую стилистические синонимы творят — делают, анадиплозис, или подхват,— фигуру речи, построенную таким образом, что слово или выражение, заканчивающее высказывание, повторяется в начале следующей фразы: "...утверждают царя, и якого царя? царя юнаго..." Особой выразительностью обладает повторение близких по значению слов, которые создают фигуру нарастания: "...и во злострастиах и в самовольствии.., и преизлище прелютаго, и крови уже напившися..." Князь Андрей воспользовался восходящей градацией при ответе на поставленный им самим риторический вопрос.

Курбский любил обрушить на читателя град вопросов и патетических восклицаний. Они имеют ярко выраженное оценочное значение, передают охватившие писателя чувства презрения, гнева, горя, восхищения и другие душевные переживания. Риторические восклицания и вопросы приковывают внимание читателя к напряженным местам повествования, направляют его мысли и эмоции в нужное автору русло. Эти синтаксические фигуры были чрезвычайно широко распространены в книжно-славянском красноречии. Употребляя их, князь Андрей следовал литературным образцам высоких жанров. Во втором

письме Вассиану Муромцеву боярин гневно бичевал деспотический режим царя Ивана и погрязшее в грехах общество. Сгущая краски и нагнетая словесные ряды, он создал образцовый риторический союз периодов, в основе которого лежат восклицательные интонации и анафора горе:

"Но горе грабящим и крови проливающим, и милости и суда не имущим во властех своих! Блажени и треблажени претерпевающии различныя напасти от таковых, занеже время отмщения есть близ. Горе соблазняющим и смущающим, и напасти творяще, и озлобление стаду паствы Христовы! Горе неведением и забвением погрузившимъся и во след грядуще таковым, и не ведуще разсудити добраго ото злаго, лености своея ради! Горе нам, овцам оскудевшим от твердыя пищи! Горе нам, яко не имеем днесь искусных волов при яслех, иже бы прямо орали сердечныя наша бразды ралы евангельских словес и раздирали оляденевшая наша сердца многолетными многими леты и неподобными обычаи. И аще кто и ретко обрящутся таковыя правители, от Бога нам на пользу данныя, и за правость слова их и учения всячески оболгани и ненавидими бывают ото лжебратии и не человеколюбных и лукавых! Горе нам, иже о заповедех Господних нерадящим и законы Божия попирающе! Горе нам, яко вместо света всему миру тма и соблазнь бывающе и, вместо целомудреннаго и чистаго жительства, свинским и нечистым житием живуще, яко сих ради дел наших имени Божию хулитися во языцех! Горе нам, яко паче Христа мамоне работаем, и тщимся множаишим сел [в др. списке: множаиших сел и.— В.К.] имении обложитися, нежели, распродав села и имения и раздав неимущим, поити во след Христа по словеси Его! Горе мне окоянному, врага своего послушавша и в таковом обычае многоденьством затвердевшу!" (РИБ 31, 400-401). Такая литературная манера отличается риторическими ухищрениями и словесной изощренностью. Она развивалась в высоких жанрах церковно-учительного красноречия. "Плетение словес" широко распространилось в эпоху православного Возрождения в XIV-XV вв. Князь Андрей подражал лучшим образцам орнаментальной прозы, но использовал церковную риторику в политическом памфлете. "Извитие словес" вышло за рамки чисто религиозной литературы и стало оружием острополемической публицистики.

Как уже говорилось, эмоциональный стиль Курбского изобилует вопросительными интонациями. Они сообщают его речи то торжественное звучание, то резкий и взволнованный тон, то негодующий и скорбный характер. Этот типично риторический прием иногда обнимает собой большие контексты. Боярин мастерски использовал его уже в переписке с печорским старцем Вассианом (РИБ 31, 396-397, 407-408). Он спрашивал во "Втором послании Муромцеву", изображая Русь последним светочем православия в мире завоевателей-мусульман и отступников от древнего христианского благочестия: "Возведем мысленное око на восток и посмотрим разумным видением: где Индея и

Ефиопия? где Египет и Ливия и Александрия, страны великия и преславныя, многою верою ко Христу древле усвоенныя? где Сирия, древле боголюбивая? где Палестина, земля священная, от нея же Христос по плоти и вси пророцы, апостали? где Евтропия [в др. списке: евртропияне.— В.К.], иже бе во премудрости правоверия многи? где Констянтин град преславныи, он же бысть яко око вселеннеи благочестием? где новопросиявшия по благоверии Серби и Болгары и их власти высокия и грады преизобильныя? Не вси ли сия преславныя и преименитыя царства в прежних летах единодушно правую веру держаще, и ныне грех деля многих безбожными властели обладаны, от них же верныя люди безпрестани прельшаеми, и томими, и на различныя прелести от правоверия отводими: овы ласкании, тщими славами прелестнаго мира сего, овы бедами и скорбми многими принуждаеми. <...> И паки обратим зрительное души к западным странам и посмотрим опасне мыслию: где Рим державныи, в нем же Петра апостола наместники, древнии папа пожиша? где Италия, от самых апостол благоверием украшена? ...где различныя языки по западным странам живуще, в них же бе от апостол и от наместник апостолских евангелия Христова смотрения проповедано и нарочитыми спископы по всем странам, яко многими звездами светлыми, украшены были... Возрим днесь мысленне: где сия вся? не вси ли в различныя ереси разлияшася?" (РИБ 31, 391-393).

Стилистические приемы Курбского напоминают риторику Максима Грека в его "Втором слове на богоборца пса Моамефа, в нем же и сказание отчасти о кончине века сего". Произведение афонского старца пронизано пессимистическими настроениями. Крушение христианских государств под натиском турок, гибель Константинополя, запустение древних центров православия, ереси и лжеучения Запада казались ему грозными знамениями скорого светопреставления: "...где яже в благоверии и честности боголепней возсиавшая красота вкупе и слава бывших верных в Иерусалиме, и Александрии, и Египте, и Ливии и Антиохии? ...где яже в благоверии возрастшая высота пресловутая и похвала всех западных язык, святая, глаголю, соборная и апостольская церковь ветхаго Рима? Не сия ли вся видим ныне, ова убо обладана бывша, ова же и запустена от безбожных агарян, ова же охудена и непотребьна бывша до конца различными богомерскыми ересми, их же началник есть той, иже преже пресветлый и преименитый во благоверии и во всяком житии честном и премудрости, древний Рим и яже по нем прочая Италиа? Иди мысленым, душе, оком в Индию и Ефиопию последних концев вселенныя,— и тамо обрящеши всяко безобразие и гнушение всяческых ересей. Есть же, где и агаряньское нечестие узриши, тамошныя языкы прельщающе и к себе прилагающе, где различныя восточныя верныя языкы, от них же свет благоверия начен сияти при божественных апостолех и к нам, европияном, разлияся. Не сия ли вся без мала

агарянская нечестивая тма ова убо к себе уже преложи, ова же не потребьствова и озлоби и растлела есть душевне, и растлевает всегда всякым образом? ...где высота и неприкладная слава, елика в области и премудрости и всякой добродетели и благозакония и православнеи вере царствия православных христиан царей, царствовавших в всеславнем и благочастнем граде Констянтина великаго? где всемирный он свет благоверия, иже, подобне солнцу, осиявая вселенную всю архиереиствовавшими в нем равноангельными святители? Не сия ли вся леты уже довольными работна суть и подручна измаилтяном? <...> Уразумеим мыслено, в каково злочястие ныне доидошя...” (Максим Грек 1, 133-135).

Единство темы и риторических приемов обоих авторов указывает на знакомство князя Андрея с произведением своего учителя. Нам известно, что когда юрьевский воевода писал старцу Вассиану, в его распоряжении находился большой рукописный сборник, в котором были “многие словеса, Максима Философа да и иных святых” (РИБ 31, 495-496). Не исключено, что среди них имелось также “Второе слово на богоборца пса Моамефа”. Курбский творчески подошел к своему источнику. Сочинение святогорца — это слово о погибели Византийской империи. Произведение князя Андрея — плачь о бедах земли Русской, последней твердыни правоверия (РИБ 31, 393-394). Максим Грек считал предтечей Антихриста мучителя султана Магомета (Максим Грек 1, 132, 136). Боярин видел знамение последних дней в самовластии Ивана Грозного. Дальнейшее развитие эта тема получила в “Истории о великом князе Московском” — политическом памфлете, написанном слезами и желчью, а не чернилами.

Вопросительным конструкциям принадлежит заметное место в ее композиции. С их помощью Курбский создал иллюзию непосредственного общения автора с читателем и персонажами. Прибегать к этому средству советовали еще античные руководства по ораторскому искусству (Цицерон 1994, 365). Образы его собеседников различны. Перед нами проходят благородные и ученые мужи, изнеженный воин, лицемерный христианин, наконец, сам Иван IV со своими приспешниками. Писатель ведет с ними живой и напряженный разговор. Вообще, его “История” появилась как ответ на настойчивый вопрос “многих светлых мужей”, новых соотечественников эмигранта: “Откуды сия приключишася, так прежде доброму и нарочитому царю, многажды за отечество и о здравии своем не радящу... и прежде от всех добрую славу имущему” было суждено превратиться в “прелютаго зверя и Святорускис земли губителя” (РИБ 31, 161, 306). Уступив частым просьбам и взявшись за перо, чтобы объяснить губительные метаморфозы в характере Ивана, Курбский ни на минуту не забывал о своих “совопросниках”. Он создал впечатление непринужденной беседы находящихся рядом людей. “Что же воздал за сию ему службу? — спрашивают у князя Андрея

о Грозном, и он охотно отвечает: — Послушаи, молю, прилежно прегорчаишия тоя и жалостныя ко слышанию трагедии!" (РИБ 31, 287-288).

Этот западнорусский собеседник московского боярина плохо знаком с подлинными причинами "жалостной трагедии" в России, и ему очень хочется услышать правду из первых уст — от бывшего советника Грозного. Тот видел корень зла в новых приближенных монарха — низких и корыстных льстецах. "Что же по сих за плод от преславных ласкателеи, паче жь презлых губителеи, возрастает? и во что вещи обращаются? и что царь от них приобретает и получает? Абие с ними диявол умышляет первыи вход ко злости, сопротив ускаго и мернаго пути Христова, по преславном и широком пути свободное хождение. А яко же сие начинают и како царева жития прежнюю мерность разоряют, еже нарицали неволею обвязана? Начинают пиры частые со многими пиянств, от нихже всякие нечистоты родятся. И что еще к тому прилагают?.." (РИБ 31, 267). И далее изображены сцены кощунственных вакханалий, внушающие негодование и ужас перед преступлениями Ивана IV и его подручных.

Диалог создавал в произведении атмосферу живого слова, сближал автора и читателя, превращал их в единомышленников. "Совопросники" Курбского, внимательно слушая его, вовремя вставляли нужные реплики, помогавшие писателю развивать сюжет в заранее обдуманном направлении. Князь Андрей всякий раз с готовностью откликался на вопросы собеседников, объяснял им действительное положение дел. Таков его рассказ о благотворном влиянии Адашева и протопопа Сильвестра на характер своевольного государя и обстановку в стране: "Что же сие мужие два творят полезное земле онои, спустошеннои уже воистинну и зело бедне сокрушенои? Приклони же уже уши и слушаи со прилежанием!" (РИБ 31, 170).

В описании взятия Казани русскими войсками в 1552 г. у Курбского появился новый собеседник — изнеженный воин в богатых одеждах. Прославленный полководец поучительно рассказывал ему о ратных подвигах и трудах своей молодости: "И еще к тому тогда иную хитрость изобрете царь казанскии против нас. Яковую же? Молю, повеждь ми. Исте таковую. Но слухаи прилежне, раздрочены [в др. списке: распещанныи жалнерю раздроченныи.— В.К.] воине!" 5 2 0 (РИБ 31, 184). Где герои прежних лет? "Богатыри — не вы!" Это хотел сказать седой ветеран своим новым товарищам по оружию. Его изображение попоек, танцев и хвастовства польско-литовской знати, потерявшей рыцарскую честь, доходит до вдохновенных высот и напоминает красноречие митрополита Даниила (РИБ 31, 241-245; Феннел 1974, 181).

К кому бы ни обращался и с кем бы ни беседовал князь Андрей, он всегда помнил о своем главном враге — Иване IV. Эмигрант мысленно переносился из своего заграничного убежи-

ща в Москву и, представ перед "тираном", смело и нелицеприятно обличал его, изливая все накопившееся в душе за долгие годы. В своем воображении Курбский открыто говорил то, о чем раньше, вероятно, не смел и подумать в присутствии грозного самодержца: "Еще ли ся не разсмотриш, о царю, к чему тя привели человекоугодницы? и чем тя сотворили любимыя маньяки твои? и яко опровергли и опроказили прежде святую и многоденную, покаянием украшенную, совесть души твоеи?" (РИБ 31, 270). Вынося монарху обвинительный приговор, он стремился выглядеть справедливым и объективным судьей, выслушавшим разные точки зрения. Писатель вступал в публичный спор с защитником Грозного: "Християнскии, речешь, царь? И еще православныи, отвещаю ти: християнов губил и от православных человеков рожденных и ссущих младенцов не пощадил!" (РИБ 31, 351).

Курбский не только разговаривал со своими собеседниками, но часто задавал вопросы сам себе и сразу же отвечал на них. Цель этого риторического приема — выделить наиболее важные места в повествовании, заинтересовать читателя, дать его мыслям нужное течение. Такие вопросно-ответные конструкции постоянно используются в произведениях боярина. Они часто встречаются в "Истории о великом князе Московском": "...а что ж тогда бысть? Бысть возмущение велико всему народу..." (РИБ 31, 168), "Что же, смиряюще его гордость, попущает Бог? Паки ополчаютца против его оставшие князи казанские..." (РИБ 31, 218), "...что же тые сотворили писари? То воистинну: что было тоити, сие всем велегласно проповедали" (РИБ 31, 221-222), "А чего же ради сие творяху? Того ради воистинну: да не будет обличенна злость их..." (РИБ 31, 260).

Вопросительные и восклицательные конструкции в стиле Курбского нередко распространены риторическим обращением. Оно не просто называет лицо, к которому направлена речь, а выражает авторское отношение к нему, характеризует его и тем самым усиливает эмоциональную окраску всего высказывания. В качестве обращения использовались слова с открытым оценочным значением: "О сыну диаволь!" — об апологете неограниченного самодержавия Вассиане Топоркове (РИБ 31, 216), "...о зверю кровопивственныи...", "О безумныи и окаянныи!.." — о Грозном (РИБ 31, 313, 348). Обращения-характеристики иногда открывают собой новую тему, которой посвящено дальнейшее повествование, или, разросшись до значительных размеров, сосредотачивают в себе основную мысль сообщения. Князь Андрей, вспоминая о своем учителе Феодорите Кольском, взывал к нему: "О мужу налепшии и накрепчаишии, мне превозлюбленнеишии и пренадсладчаишии, отче мои и родителю духовныи!" (РИБ 31, 345). В строе риторически украшенной речи обращения могли осложняться противопоставлением контрастных образов и синтаксическим параллелизмом. Писатель патетически восклицал, адресуясь к царю Ивану с его

"кромешной" дружиной и жертвам опричного террора: "О окаянныи и вселукавые пагубники отечества, и телесоядцы, и кровопиицы сродник своих и единоязычных!.. О преблаженныи и достохвальные святые мученики, новоизбиенные от внутренного змия!.." (РИБ 31, 352). Развернутые обращения-воззвания были сильным средством эмоционального воздействия на читателя.

Этой же цели — изображению и возбуждению страстей — служили междометия, входящие как необходимые члены в разные фигуры речи: риторические вопросы, восклицания, обращения и др. Они характерны для взволнованного и негодующего стиля Курбского, обличителя несправедливостей и общественных пороков: "...о увы, о беда ко слышанию тяжка..." (РИБ 31, 272), "Ох, горе, горе, и беды бедам, во крестьянском роде сицевым хулам бываемым!" (РИБ 31, 375), "Оле чюдо!", (РИБ 31, 315,), "О беда! О горе!" (ПГК 117) и т. п.

Курбский обладал естественным чувством языка. Он взрастил свой талант упорным учением. Князь Андрей творчески усвоил приемы книжно-славянского красноречия своего времени и прошлых веков, настойчиво искал новые пути в литературном творчестве. В эмиграции он постоянно подчеркивал роль гуманитарных и философских наук в воспитании искусного книжника. В его "Первом послании Кузьме Мамоничу" упомянут важнейший раздел в классической риторике елокуция (elocutio) — учение о выразительных средствах речи: стилистических фигурах, тропах, эвфонии. Там же названа еще одна часть ораторской науки: пронунциация (pronuntiatio, или actio) — произнесение (РИБ 31, 423). Несомненно, боярин хорошо знал остальные разделы риторики: inventio — нахождение материала, dispositio — его расположение, memoria -запоминание. Он изучал правила построения искусной речи и ее классическую структуру, разработанную еще софистами. В переписке с волынским шляхтичем Кадианом Чапличем Курбский критиковал его за слишком многословный стиль и послание "з должаишею экъзордиею" (РИБ 31, 437). Экзордия, точнее экзордиум (exordium, или prooemium),— это вступление к речи. В древности ему придавали очень большое значение, и неоправданное многословие в нем осуждалось. После экзордиума в соответствии со строгой системой следовали narratio — изложение материала, citatio — его разработка и conclusio, или peroratio,— заключение. Интересно примечание на книжном поле "Нового Маргарита": "Екзордей по-римски, а по-словенски предглаголемых" (Курбский 1989, 396). Перевод отражает древнерусскую риторическую традицию. Слово предглаголание в значение 'вступление, prooemium' употреблялось уже в XI в. (СлРЯ XI-XVII вв. 18, 183).

Между тем сам Курбский далеко не всегда придерживался литературных образцов и строгих предписаний ученых латинских трактатов. Хотя боярин считал грамматику "вратами

премудрости", он откровенно признавал свои пробелы в знании "книжнаго словенъскаго языка" и, действительно, порой сбивался на просторечие, о котором отзывался так презрительно (Курбский 1976, 6 об. Ср.: РИБ 31, 418). В его литовской переписке не соблюдаются законы эпистолографии, традиционно изучавшейся в курсах риторики. Некоторые из этих посланий — настоящие "цыдулы", как называл их сам автор (РИБ 31, 455, 457, 463). Они близки по структуре и языку западнорусской деловой письменности, не входившей в средневековую систему литературных жанров (Фрайданк 1976, 325-332; Буланин 1991, 197-198). Деятельность Курбского шире и разнообразнее усвоенной им латинской теории словесности и полностью не укладывается в ее рамки. Князь Андрей вошел в русскую литературу как писатель-интеллектуал, сумевший соединить в себе славяно-византийскую и западноевропейскую культурные традиции.

Литературная техника Курбского сложилась в московский период творчества. Его "Ответ Ивану многоученому о правой вере", послания Вассиану Муромцеву, первая филиппика против Грозного отмечены печатью несомненного таланта и писательского мастерства. В них велико влияние книжно-славянских образцов, содержавших структурные и поэтические модели текста. Знакомство Курбского с латинскими науками тривиума не внесло принципиальных изменений в его стиль. Оно как нельзя более расширило умственный кругозор московского боярина, способствовало становлению у него нового — филологического — отношения к тексту. Тем не менее одни и те же художественные приемы, типичные для древнерусского красноречия, находим как в его ранних, так и в поздних произведениях. Именно они составляют основу его литературной манеры. На чужбине князь Андрей оставался до конца своих дней хранителем и защитником вековых церковнославянских традиций. Его историческое значение по достоинству оценили другие ревнители святорусских древностей — старообрядцы. Они назвали Андрея Курбского "трудолюбезным рачителем священных писаний" (Попов 1872, 99).

---

1 В "Новом Маргарите" князя Андрея приводятся как синонимы слова кромешный и окромный в маргинальной глоссе к беседе Иоанна Златоуста на Послание апостола Павла к коринфянам: "...но вящей осуждение и отомщение, бо великую оттуды получаете и приемлете казнь, аще братию обидите, аще церковь презираете, если кромешный дом святаго места творите..." (Курбский 1987, 288). Это обличение могло быть направлено также против Ивана Грозного и его "кромешников".

2 Образ собеседника Курбского можно сравнить с образом нерадивого христианина в "Слове о мученицех" Иоанна Златоуста в "Новом Маргарите". Обыгрывая понятия *война земная* — *брань духовная* , Златоуст проповедовал: "Откуды и ты християнине разпещенным еси воином, если мниш тебе без битвы мощи преодолети, без борения триумфовати. Покажи силы,

крепце воинствуй зело храбре, на битве той борствуй". Слово *разпещенным* объяснено на книжном поле как "раздроченным, албо зело слабым" (Курбский 1987а, 302). Сочинения Златоуста в книжно-славянском и латинском переводах оказали значительное влияние на риторический стиль князя Андрея и его приемы построения текста.

[3] По мнению Хью Ф. Грехема, князь Андрей, отвечая Грозному во втором письме "язык маю аттически.., аще уже и во старости моей зде приучихся сему" (ПГК 102), имел в виду не знание латыни, как считает Ю.Д. Рыков (ПГК 293-296), "а более простое дело — овладение риторикой. К 1569-1570 гг. Курбский пробыл в Литве шесть-семь лет и за это время в самом деле мог пополнить свои познания" (Грехем 1984, 175). Однако боярин овладел искусством книжно-славянского красноречия еще в России. Если же Хью Ф. Грехем говорит о знании западноевропейской риторики, то прежде чем приступить к ней эмигрант должен был изучить латынь и грамматику. Разделяя точку зрения Ю.Д. Рыкова, заметим, что *аттический язык* — это латынь в значении 'грамматически обработанный и риторически украшенный язык ученых и ораторов' (ср.: ПИГ 296). Таким же Курбский хотел видеть образцовый книжно-славянский язык.

## ЦИТИРУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА


*Андреев 1955* — Andreyev N. Kurbsky's Letters to Vas'yan Muromtsev // The Slavonic and East European Review. London, 1955. Vol. 33. № 81.

*АР 1978* — Античные риторики / Собр. текстов, статьи, коммент. и общая ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978.

*Буланин 1991* — *Буланин Д.М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI-XVI вв. München, 1991. (Slavistische Beiträge. Bd 278.)

*Буланина 1985* — Буланина Т.В. Риторика в Древней Руси: Сведения о теории красноречия в русской письменности 11-16 веков. АКД. Л., 1985.

*Веселовский 1963* — Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

*Гаспаров 1984* — Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984.

*Грехем 1984* — Грехем Х.Ф. Вновь о переписке Грозного и Курбского // Вопросы истории. М., 1984. № 5.

*Дмитриев 1990* — Дмитриев М.В. Православие и реформация: Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XI в. М., 1990.

*ИРБ 1970* — Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970.

*Кинан 1971* — Keenan E.L. The Kurbskii-Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence" Attributed to Prince A.M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. With an appendix by Daniel C. Waugh. Cambridge, Mass., 1971.

*Курбский 1976, 1987, 1987а, 1989* — Kurbskij A.M. Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift / Herausgegeben von Inge Auerbach. (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen.) Giessen, 1976. Bd. 1. Lfg. 1; 1987. Bd. 2. Lfg. 9; 1987. Bd. 2. Lfg. 10; 1989. Bd. 3. Lfg. 13.

*Лахман 1980* — Lachmann R. Die Makarij-Rhetorik: Rhetorica slavica. Köln, 1980.

*Лихачев 1975* — Лихачев Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975.

*Лихачев 1987* — Лихачев Д.С. Великий путь: Становление русской литературы XI-XVII веков. М., 1987.

*Ломоносов 7* — Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.;Л., 1952. Т. 7.

*Майенова 1955* — Mayenowa M.R. Walka o jezyk w zyciu i literaturze staropolskiej. 2 wyd. Warszawa, 1955.

*Максим Грек 1* — Максим Грек. Сочинения. Казань, 1859. Ч. 1.

*Молдаван 1984* — Молдаван А.Н. "Слово о законе и благодати" Илариона. Киев, 1984.

*ПГК* — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. Репринтное воспроизведение текста изд. 1981 г. М., 1993.

*ПИГ* — Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье. Перевод и коммент. Я.С. Лурье. М.;Л., 1951.

*Пиккио 1984* — Picchio R. The Impact of Ecclesiastic Culture on Old Russian Literary Technique // Medieval Russian Culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1984.

*Попов 1872* — Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М., 1872.

*Пушкин 11* — Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М., 1949. Т. 11.

*Пушкин 1991* — Разговоры Пушкина / Собр. С.Я. Гессен и Л.Б.Модзалевский. Репринтное воспроизведение изд. 1929 г. М.,1991.

*Радищев 1992* — Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / Изд. подгот. В.А. Западов. СПб., 1992.

*РИБ 31* , 39 2 — Русская историческая библиотека. СПб., 1914. Т.31; Л., 1927. Т. 39.

*Скрынников 1962* — Скрынников Р.Г. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь // ТОДРЛ. М.;Л., 1962. Т. 18.

*Скрынников 1973* — Скрынников Р.Г. Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973.

*Скрынников 1992* — Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.

*СлРЯ XI-XVII вв. 18* — Словарь русского языка XI-XVII вв. М.,1992. Вып. 18.

*Толстой 1* — Толстой А.К. Собрание сочинений. М., 1963. Т. 1.

*Уваров 1973* — Уваров К.А. Князь А.М. Курбский — писатель: ("История о великом князе Московском"). АКД. М., 1973.

*Феннел 1974* — Fennell J., Stokes A. Early Russian Literature. London, 1974.

*Фрайданк 1976* — Freydank D. A.M. Kurbskij und die Epistolographie seiner Zeit // Zeitschrift für Slawistik, 1976. Bd. 21. H. 3.

*Цицерон 1994* — Цицерон. Эстетика: Трактаты, речи. Письма. М., 1994.

*Ясинский 1889* — Ясинский А.Н. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889.